

© 2022

Андрей Колганов

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия),
главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: onaglo@mail.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА: ПРОИЗВОДСТВО ОПЕКАЕМЫХ БЛАГ ИЛИ ИНВЕСТИЦИИ В РАЗВИТИЕ?

Вопрос об экономической роли государства и о функциях государственного патернализма является предметом длительных дебатов. При этом можно выделить два основных направления исследования этого вопроса: проблему участия государства в производстве и распределении определенных благ и проблему участия государства в регулировании экономических процессов. В теории опекаемых благ делается вывод, что государство не просто замещает рынок в предоставлении тех или иных благ, а представляет некоторые общие интересы, не сводимые к индивидуальным, и служит именно их обеспечению. В результате государство обеспечивает развитие экономики и достижение общественных целей на основе этого развития. Следующим шагом в исследовании функций патерналистского государства является поиск общего основания как для процессов предоставления опекаемых благ, так и для участия государства в регулировании экономики. Отталкиваясь от концепции государства развития, можно сделать вывод, что таким общим основанием является необходимость участия государства в обеспечении необходимых условий воспроизводства экономики и общества. Такая необходимость возникает в силу высокого уровня обобществления производства и постепенного разложения рыночных отношений, которые за счет своего автоматического действия уже не в состоянии обеспечить ни условия воспроизводства, ни даже рыночное равновесие.

Ключевые слова: патерналистское государство, гражданское общество, опекаемые блага, воспроизводство, общественные интересы, индивидуальные предпочтения, государство развития.

DOI: 10.31857/S020736760021857-1

Вопрос об экономической роли современного государства давно является предметом дискуссий, в ходе которых сформировалось значительное число разнообразных концепций. В данной статье я попытаюсь понять причины такого многообразия позиций. Не обращаясь к специальному анализу каждой из таких точек зрения, я все же постараюсь обосновать, почему ни одна из них не является в полной мере удовлетворительной. Эта критика не является для меня самоцелью, а будет служить отправным пунктом для того, чтобы предложить собственное понимание экономической роли современного государства.

Двойственность причин участия государства в хозяйственной жизни. Можно заметить, что дискуссии о причинах участия государства в хозяйственной жизни

распадаются на два параллельных и частенько не пересекающихся потока. В рамках одного из них обсуждается участие государства в регулировании капиталистического хозяйства: индикативное планирование, государственные программы, установление ставки процента, протекционизм, регулирование рынка ценных бумаг, отношений труда и капитала, бюджетное субсидирование и т.п. Основные теоретические вопросы, поднимаемые в связи с этим, сводятся к той или иной оценке способности современного капитализма к саморегулированию, и в связи с этим — к той или иной оценке допустимости и необходимости вмешательства государства в спонтанное течение хозяйственных процессов.

Второй поток сосредотачивает внимание на проблеме участия государства в удовлетворении ряда человеческих потребностей, которые не удовлетворяются стихийной игрой рыночных сил. Речь идет о производстве и распределении при участии государства некоторых категорий благ, которые получают различную теоретическую квалификацию — общественные, мериторные, опекаемые. Но независимо от различия в подходах в качестве главной причины необходимости участия государства в их производстве рассматривается неспособность адекватно удовлетворить потребность в указанных благах на основе индивидуальных рыночных предпочтений потребителей, будь то в результате «провалов рынка» или неполной рациональности потребителей, либо наличия социальных потребностей, не сводимых к индивидуальным предпочтениям.

Я обращаю внимание именно на эти два направления исследований потому, что они отражают две важнейшие целевые функции государства в экономической сфере: поддержание желаемых макроэкономических условий и обеспечение социально необходимых благ. Законодательное регулирование, правоприменение, оборона, денежно-кредитная, фискальная и бюджетная политики, регулирование рынка труда, формирование и организация работы государственного сектора и т.п. — все это средства для реализации указанных целевых функций.

Хотя многие теоретические разработки включают в себя исследования по обоим этим направлениям, пока что не разработано концепций, которые подвели бы общее теоретическое обоснование под эти направления участия государства в хозяйственной жизни. Именно исходя из этого факта, можно сделать вывод, что эти концепции, как бы хорошо они ни были проработаны по каждому из указанных направлений, имеют тот недостаток, что не сопрягают причины государственного регулирования экономики с государственным участием в обеспечении потребностей населения по определенному кругу благ. Между тем я постараюсь показать, что общее основание для реализации государством своих экономических функций по обоим указанным направлениям существует.

Общественные или индивидуализированные блага? Существует точка зрения, что феномен общественных благ есть лишь следствие недостаточного развития рыночных механизмов, и все то, что составляет производство общественных

благ, может быть индивидуализировано, то есть сведено к производству на основе индивидуальных рыночных предпочтений. Однако индивидуализация социальных благ, даже тогда, когда она возможна, всегда требует дополнительных издержек: как трансакционных, так и трансформационных.

Например, нет причин, которые вели бы к превращению маяков или створовых сигналов в индивидуальные блага, даже при обеспечении технической возможности этого. Напротив, существуют веские причины сохранять за ними статус общественных благ, ибо индивидуализация привела бы к утрате вторичного эффекта, лишив безопасности судовождения не только тех, кто исключен из пользования данным благом, но и тех, кто заплатил за него. Превратить эти блага в индивидуализированные, сохранив вторичный эффект, все же можно — но отнюдь не на основе свободного рынка, а лишь путем государственного принуждения, заставляющего всех пользователей водными путями приобретать соответствующие услуги на платной основе.

Существует группа благ, которые, именно в силу вторичных эффектов, с развитием технологий не только не перемещаются в группу индивидуальных благ, а, напротив, упрочивают свое положение как благ социальных (например, образование). Наконец, существует группа благ, потребность в которых формируется не на основе индивидуальных предпочтений, а с самого начала конституируется как общественный или групповой интерес [6] [7].

Такому подходу противостоит широко распространившееся с середины 70-х годов XX века мнение о неэффективности предоставления благ государством, осуществляемого за счет налогов [26], — на этой основе ведется пропаганда минимизации функций государства [23]. Реальные факты неэффективности разного рода мер государственной поддержки, на которые опирается эта концепция, не могут тем не менее объяснить, почему обеспечивается эффективное развитие экономики и высокий уровень социального благополучия в государствах с наивысшим уровнем налоговой нагрузки. Однако, именно эту концепцию усиленно распространяли в нашей стране в конце 80-х и в 90-е гг. XX века да и позднее, и она оказала немалое влияние на формирование радикальных рыночных реформ в России.

Тем не менее широкое участие государства в производстве и распределении различных благ, то есть осуществление в той или иной мере патерналистского подхода, остается фактом мировой экономики, и с природой этого патернализма, равно как и со спецификой предоставляемых благ, экономической теории надо определиться.

Зачем нужен государственный патернализм? Получила немалое влияние позиция, развиваемая в том числе в теории мериторных благ, что государственный патернализм проистекает не из общественной природы благ, а определяется нерациональным поведением индивидов. Чтобы избежать вызванных этой нерациональностью экономических и социальных издержек, государство вынуждено такое поведение исправлять. При таком подходе государство рассматривается как

институт, который призван помочь человеку осознать свои «истинные» интересы [29]. Этот подход, называемый «новым патернализмом», исходит из того, что необходимы специальные программы поддержки граждан, недостаточно подготовленных к независимому поведению в конкурентных условиях рыночной экономики [21].

Если исходить из концепции ограниченной рациональности индивида, то государство призвано действовать в интересах граждан, чтобы помочь им избежать ошибок индивидуального выбора, вытекающих из ограниченной рациональности [18]. Склоняющаяся к такой трактовке Т. Чубарова полагает, что «патернализм имманентно присущ человеческому обществу, причем в любых социально-экономических системах, о чем свидетельствует и сам факт существования такого инструмента принуждения, как государство», при этом «подразумевая, что такие действия приносят пользу человеку, группе или всему обществу» [16. С. 44]. Эта концепция способности государства определять «правильные» предпочтения потребительского выбора и на этой основе обеспечивать граждан необходимыми благами, представлена в экономической литературе довольно широко [19, 20, 22, 25, 27, 28].

Такому подходу противостоит теория опекаемых благ, которая исходит из того, что индивид субъективно рационален в своих предпочтениях, а государство вовсе не обладает сакральным знанием о неких «правильных» индивидуальных интересах. Как отмечают А. Рубинштейн и А. Городецкий, «теория опекаемых благ не признает объяснения нерациональности, основываясь на том, что государство якобы знает “истинные” предпочтения индивидуумов, сосуществующие с их реально наблюдаемыми предпочтениями» [12. С. 40]. Функция же государства по предоставлению благ определяется тем обстоятельством, что государство в той или иной мере отражает те общественные интересы, которые несводимы к индивидуальным интересам и потому не могут предоставляться на основе индивидуальных рыночных предпочтений. Как отмечал в одном из своих выступлений академик Л. Абалкин, «высший суверен власти заключается определенный, не всегда оформленный, естественно, социальный контракт с властью, передавая ей свои естественные права и полномочия под определенные условия, гарантии, обещания и объявленные цели. На этом основана сила власти. Сила власти, если не понимать ее в чисто авторитарном смысле, основана на доверии к этой власти, на кредите доверия. А кредит доверия, как и всякий кредит, не бывает бессрочным и предполагает соответствующее выполнение возникающих при этом обязательств» [10. С. 49].

Возможность государства отражать общественные интересы и избегать ошибок, связанных с несовершенствами механизмов политического представительства и издержек бюрократизации, в решающей степени зависит от зрелости институтов гражданского общества. «...В отличие от стандартных ошибок рынка, которые может и, наверное, должно устранять государство, “защититься” от

патерналистского провала сам “патер” не в состоянии. Лишь третья сила – институты гражданского общества, гражданская активность и самоорганизация граждан – способны создавать условия, снижающие риски ошибочных решений и обеспечивающие общественный контроль в системе государственного управления» [12. С. 51–52].

Однако степень справедливости этих утверждений зависит как от механизма отражения общественных интересов в деятельности государства, так и от социально-экономической основы существования тех институтов, на которые опирается гражданское общество и которые обеспечивают процедуру общественного выбора.

На что ориентируется патерналистское государство? Решение данного вопроса фактически зависит от того, чьи именно интересы представляет государство. И этот вопрос не решается в дихотомии «государство–индивиды», хотя бы и при посредничестве институтов гражданского общества. Проблема, которая в большинстве случаев игнорируется, заключается в том, что совокупность интересов, отражающихся в деятельности государства, принципиально неоднородна. И дело даже не в том, что существует множество различных индивидуальных интересов, а в том, что они складываются в крупные, существенно различные группы интересов, определяемые социальной структурой общества. В самом упрощенном виде можно представить эти группы как интересы: 1) бюрократического аппарата самого государства, 2) господствующего капиталистического класса и 3) большинства остального населения (наемные работники, мелкие предприниматели, самозанятые, прекариат, незанятые) [3].

В любом случае в современной экономике интересы господствующего капиталистического класса являются в деятельности государства преобладающими. Различие может состоять лишь в том, в какой степени и в каком соотношении на действия государства будут влиять две другие группы интересов – интересы бюрократического аппарата и интересы остального населения. Вопреки распространенным представлениям, это зависит не только от авторитета и организованности институтов гражданского общества (ибо эти институты могут быть особенно эффективны именно в проведении влияния господствующего класса), но и от того, насколько интересы господствующего класса способны опереться в своей реализации на обеспечение хотя бы некоторых интересов остальной части общества.

Если государство есть лишь инструмент защиты эгоистических интересов господствующего класса и правящей бюрократии, то для него достаточен такой уровень социального компромисса, при котором остальное население обеспечивается набором опекаемых благ, лишь минимально необходимым для поддержания социального мира.

Если же на основе взаимодействия государственных институтов и институтов гражданского общества в цели государственной экономической политики включаются более широкие интересы основной массы населения, то можно

утверждать, что в таком случае государственный патернализм не может сводиться лишь к замещению провалов рынка по части предоставления социальных благ. Государство в таком случае осуществляет некую стратегию общественного развития, и это резко расширяет ответственность как государства, так и гражданского общества за обеспечение производства всего набора благ, обеспечивающих стратегию развития. «Не в этом ли главное предназначение элиты – не жадно толпиться у “кормушки” и жить узко эгоистическими интересами временщиков, а быть ответственным стратегическим авангардом эффективного, сбалансированно развивающегося общества, построенного на принципах справедливого распределения произведённого прибавочного продукта, демократии и главенства закона?» [13].

В таком случае должно сформироваться производство на основе общественных предпочтений, которое организует «действующее от лица общества государство, стремящееся реализовать выявляемые политической системой общественные предпочтения» [7. С. 311] – отмечают Р. Гринберг и А. Рубинштейн. Соответственно, расходы государства на эти цели (бюджетные субсидии и т.п.) уже не могут рассматриваться просто как трата денег. «Иная интерпретация этой экономической категории, с учетом стремления государства максимизировать функцию социальной полезности, превратила такие бюджетные затраты из безвозвратных расходов в необходимые социальные инвестиции, обеспечивающие экономический рост» [7. С. 314].

Государство развития. Но такой подход выводит нас за границы представлений об экономической роли государства лишь как производителя общественных, или мериторных, или опекаемых, благ. Концепция такого государства появилась как отражение практики ряда стран, осуществлявших ускоренную модернизацию в послевоенный период [12. С. 42]. Подобное государство может быть названо государством развития, и такая его роль уже закрепились в экономической литературе [2. С. 43–45]. М. Воейков в связи с этим настаивает на том, что справедлива высказанная политэкономии советского периода (университетская школа Н.А. Цаголова) мысль о превращении государства в его хозяйственных функциях из элемента надстройки в экономического агента [4. С. 39, 41].

Если же интерпретировать те блага, которые должно предоставлять государство развития, максимально расширительным образом, то речь пойдет о таких благах, которые играют важнейшую экономическую роль, поскольку существенным образом влияют на механизм воспроизводства, обеспечивая для него обновляющуюся технологическую и социальную основу. Среди них важнейшее место занимают:

1. Стратегическое планирование;
2. Экономическое регулирование;
3. НИОКР;
4. Образование;

5. Воспитание;
6. Здоровоохранение;
7. Поддержание экологического равновесия.

Все эти пункты, и в особенности 3 и 4, требуют также институционального и экономического обеспечения доступности культурных благ и даже в какой-то мере «культуртрегерства» («насаждения культуры»).

Финансирование этих благ через налоговые или налогоподобные механизмы (льготы спонсорам, например) не означает обязательно принудительного изъятия частных средств в пользу производства социальных благ. Механизмы политического и гражданского представительства могут трансформировать налоговую нагрузку в продукт добровольного общественного консенсуса, и тем самым в механизм коллективного финансирования национальных инвестиций в развитие общества. Нечто подобное такому добровольному общественному консенсусу относительно как уровня налоговой нагрузки (весьма высокого), так и направлений использования бюджетных доходов сложилось в послевоенный период в скандинавских странах.

Другой вариант формирования «государства развития» может быть не связан с демократическими механизмами и влиятельностью институтов гражданского общества, а вытекать из решений авторитарного государства, когда господствующий класс видит укрепление своих позиций через осуществление стратегии национального развития.

Какое государство может стать государством развития? Представляется, что превращение государства в государство развития определяется в первую очередь не какой-то определенной политической формой, или определенной структурой социальных институтов, а более фундаментальными предпосылками (которые сами по себе, однако, для этого недостаточны).

Если не обращаться к совсем уж архаичным социальным доктринам (вроде идеи соборности), то уже в новейшее время получили распространение концепции, объявляющие государство институтом, интегрирующим общество в некую целостность, интересы которой стоят выше интересов отдельных лиц, групп граждан и даже интересов большинства, как это считал, например, известный советский философ и социолог А. Зиновьев [8. С. 192–193]. Такой подход не исключает, а при некоторых обстоятельствах даже предполагает применение в экономике жестких мобилизационных практик для реализации интересов развития общества как целостности [11. С. 154].

Впрочем, стоит заметить, что еще в 20-е годы XX века схожие мысли высказывал русский философ Н. Бердяев: «Максимальное народное богатство и преодоление нужды достигается тогда, когда целое становится выше части, когда целью ставится не потребительское благо и удовлетворение людей, а благо и ценность государства, нации, культуры» [1. С. 256].

Хотя в самых общих чертах подход к государству как интегрирующему институту не вызывает возражения, сама возможность и результаты выполнения этой интегрирующей функции зависят от социально-экономической структуры общества, лежащей в основе государства, и от характера отражения в его деятельности различных социально-классовых интересов. Р. Гринберг и А. Рубинштейн рисуют гипотетическую модель того, что они назвали «государством плеймейкером», где государство выступает в виде «самостоятельного и полноправного экономического субъекта, определяющего общественный интерес и нормативные установки развития, располагающего ресурсами для их реализации, гармонично взаимодействующего с современными формами демократии и гражданского общества, защищенного от рецидивов национализма, что важно, в особенности для постсоциалистических стран, решающих задачи догоняющего развития» [12. С. 43] (см. также [7, 24, 5]). Вопрос, однако, повторю, заключается в том, на какой социально-экономической основе может возникнуть такая гармоничная модель? Может ли она возникнуть в системе, сотрясаемой периодическими экономическими кризисами, обремененной десятилетиями углубляющимися глобальными проблемами, расшатываемой конфликтами и вспышками социальных протестов?

Прежде чем ответить на этот вопрос, вернусь к проблеме, поставленной в начале статьи: есть ли некое общее основание у производства опекаемых благ и у государственного регулирования экономики?

Зачем нужно регулирование? Обоснование необходимости государственного регулирования экономики представляет собою предмет длительных и обширных дискуссий, даже краткий обзор которых занял бы слишком много места. Крайней позицией является утверждение, что за государством следует закрепить лишь функции правового регулирования и защиты (радикальное крыло австрийской школы), то есть фактически необходимость собственно экономического регулирования отрицается. Монетаристская школа добавляет к этому регулирование денежного обращения. Различные неокейнсианские направления настаивают на более широких функциях с целью обеспечения желательных макроэкономических пропорций: уровня накопления, инвестирования, занятости.

При этом ряд экономистов отказывается от нахождения теоретических критериев степени государственного вмешательства в экономику, заменяя теоретическую оценку представлением о стихийных циклических колебаниях между усилением и ослаблением государственного регулирования. Так говорят о «маятниковом движении соотношения между государственным регулированием и самоорганизацией рыночного механизма, между коллективной и атомистической адаптацией к изменяющимся условиям экономических обменов» [17. С. 134].

Немалое число экономистов (например, французские дирижисты и конвенционалисты) являются приверженцами активной промышленной или структурной политики, предлагая участие государства в осуществлении разного рода

программ, обеспечивающих прогрессивные структурные сдвиги в экономике. Далее всего идут сторонники индикативного планирования [9], поддерживаемого применением всего спектра известных к настоящему времени методов воздействия государства на экономику.

Вокруг вопросов активной промышленной политики ломается немало копий в чисто практическом плане. Не так давно многие государственные деятели в России считали словосочетание «промышленная политика» чуть ли не неприличным выражением, но сегодня, под давлением обстоятельств, это отношение меняется. Не меньшую остроту в Европе приобрели дебаты вокруг промышленной политики. Ряд экономистов уже давно били тревогу в связи с подчинением европейской экономики транснациональным корпорациям, в большинстве своем базирующимся в США. «...Адекватная промышленная политика – это бесспорное условие реального европейского ответа на стратегию глобальной власти кейнсианского милитаризма Соединенных Штатов, которая всегда ставит выгоду американских транснациональных корпораций выше идеологии “единства Запада”, “атлантической солидарности” и т.д.» [14. С. 71]. Как показывают события 2022 года, эта тревога была не напрасной, и мы сейчас наблюдаем сдачу европейскими государствами позиций перед лицом давления США, которые действуют в своих интересах.

Однако все эти концепции, каждая из которых имеет под собой те или иные основания, не дают возможности ответить на вопрос: а есть ли общая основа у деятельности государства по производству и предоставлению гражданам широкого набора благ и государственных усилий по регулированию экономики?

Полагаю, что такое основание есть. Но оно складывается только тогда, когда мы имеем дело не просто с патерналистским государством, осуществляющим те или иные меры поддержки своих граждан, а именно с государством развития, для которого производство благ выступает инструментом достижения далеко идущих общественных целей в развитии страны. Тогда и регулирование экономики, и производство опекаемых благ приобретают общее основание – обеспечение условий общественного воспроизводства, желательных для достижения стратегических целей. На этом же самом основании базируется и определение размеров государственного сектора и государственной собственности в экономике – они возникают там и тогда, где и когда частный капитал не справляется с обеспечением условий общественного воспроизводства.

Но почему свободный рынок и частный капитал нуждаются в государственных подпорках для обеспечения нормального хода воспроизводства в экономике? Эта необходимость вытекает из возросшего уровня обобществления производства и капитала, что уже с 30-х годов XX века привело к существенному росту роли государства. Производительные силы общества на достигнутом уровне развития не могут обходиться без нерыночной координации. «...Современное производство на место индивидуального производителя ставит сложную кооперацию

многих производителей и их объединений. Новая технология кладет конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму» [4. С. 43].

В таких условиях государство и становится необходимым элементом действия экономического механизма современного общества. «Интервенционистское государство, в отличие от либерального, вовлечено в процесс воспроизводства, поэтому оно не только обеспечивает общие условия производства, но и само становится своеобразным исполнительным органом закона стоимости» [15. С. 88].

* * *

И производство опекаемых государством благ, которое отражает общественные интересы, несводимые к индивидуальным предпочтениям, и государственное регулирование экономики имеют одно и то же фундаментальное основание. Оно возникает в том случае, если патерналистское государство выступает как государство развития, что предполагает значительную роль тех структур гражданского общества, которые выражают интересы большинства населения. Государство развития может возникать и в результате авторитарных действий господствующего класса, если последний видит путь реализации своих интересов через обеспечение развития общества в интересах большинства. Но такой вариант является непрочным, и чреват значительными «патерналистскими провалами».

Общей основой как для регулирования экономики, так и для предоставления государством опекаемых благ выступает необходимость обеспечения благоприятных условий для воспроизводства экономики и общества. Эта необходимость возникает в силу значительно возросшего за последнее столетие уровня обобществления производства, что сделало невозможным не только прогрессивное развитие экономики только за счет стихийной игры рыночных сил, но и поддержание экономического равновесия. Тем самым государство берет на себя роль экономического агента, создающего благоприятные условия производства в силу неспособности рынка и частного капитала обеспечить такие условия. При этом государство в значительной мере выступает не как рыночный, а как пострыночный агент, поскольку вынуждено включаться в такие отношения, которые возникают в силу разложения рыночных и капиталистических отношений, и с необходимостью дополняют последние, чтобы система сохраняла способность к воспроизводству.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства / Составитель и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 2012. 256 с.
2. *Блок Ф.* Роли государства в хозяйстве // Экономическая социология. 2004. Том 5. № 2. С. 37–56.
3. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Государство в экономике XXI века: политико-экономическая интерпретация // Альтернативы. 2020. № 1. С. 4–34.
4. *Войков М.И.* Государство как предмет политэкономического изучения // Вопросы политической экономики. 2018. № 1. С. 35–54.

5. *Городецкий А.Е., Рубинштейн А.Я.* Некоторые аспекты экономической теории государства. М.: ИЭ РАН, 2017.
6. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическая социодинамика // М.: ИСЭПРЕСС, 2000.
7. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум & государство: экономическая дилемма // М.: Весь мир, 2013.
8. *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма // М.: Центрполитграф, 1995. С. 192–193.
9. *Йохансен Л.* Очерки макроэкономического планирования / Пер. с англ.: в 2 т. // М.: Прогресс, 1982.
10. Материалы международной конференции в Совете Федерации «Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики» // Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Информационно-аналитическое управление. Аналитический вестник. Специальный выпуск № 9(54) Часть I. Москва, Апрель 1997.
11. *Павленко Ю.Г.* Государство и проблема интересов целостности в формировании нового социально-экономического уклада // Вопросы политической экономии. 2018. № 4. С. 154.
12. *Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е.* Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Том 10. № 4. С. 38–57. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.4.038-057
13. *Тарлавский В.* Государство и патернализм // Экономика и жизнь. 20.05.2015. URL: <https://www.eg-online.ru/article/281158/>
14. *Тауш А.* Европейский союз: «град на холме» и Лиссабонская стратегия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 3. С. 65–72. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2007-3-65-72>
15. *Хабермас Ю.* Проблема легитимации позднего капитализма // М.: Праксис, 2010. С. 88.
16. *Чубарова Т.В.* Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // *Общественные науки и современность*. 2017. № 6. С. 43–54.
17. *Шаститко А.* Мировой финансовый кризис – возможность для ремонта институтов? // *Вопросы экономики*. 2008. № 12. С. 133–138. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-12-133-138>
18. *Benartzi S., Thaler R.H.* (1995) Myopic Loss Aversion and the Equity Premium Puzzle // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 110. No. 1, pp. 73–92.
19. *Brennan G., Lomasky L.* Institutional Aspects of «Merit Goods» Analysis. // *Finanzarchiv. New Series*. 1983 Vol. 41. No. 2, pp. 183–206.
20. *Margolis H.* Selfishness, Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice // Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1982.
21. *Mead L.M.* The Rise of Paternalism // *The New Paternalism: Supervisory Approaches to Poverty*. Washington (DC): Brookings Institution, 1997, pp. 1–38.
22. *Musgrave R.A.* Provision for Social Goods in the Market System. *Public Finance (Finances publiques)*. 1971. Vol. 26. No. 2, pp. 304–320.
23. *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia // Oxford: Basic Books, 1974. (Русский перевод: Нозик Р. Анархия, государство и утопия // М.: ИРИСЭН, 2008)
24. *Rubinstein A.Y.* Theory of patronized goods. Liberal evolution of paternalism // *International Journal of Entrepreneurial Knowledge*. 2016. Issue 1. Volume 4, pp. 6–29.
25. *Sunstein C., Thaler R.* Libertarian paternalism is not an oxymoron // *University of Chicago Law Review*. 2003. Vol. 70. No. 4, pp. 1159–1202. URL: <https://doi.org/10.2307/1600573>
26. *Tanzi V.* Government versus Markets: The Changing Economic Role of the State. New York, NY: Cambridge University Press, 2011.

27. *Thaler R.H., Shefrin H.M.* An Economic Theory of Self-Control // *Journal of Political Economy*. 1981. Vol. 89. No. 2, pp. 392–406. DOI: 10.1086/260971
28. *Tietzel M., Muller C.* Noch mehr zur Meritorik. *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften* // Berlin: Duncker & Humblot, 1998.
29. *Wacquant L.* Punishing the Poor: the Neoliberal Government of Social Insecurity // Durham; London: Duke Univ. Press, 2009.

Andrey Kolganov (e-mail: onaglo@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Head of the Laboratory for Comparative Research of Socio-Economic Systems, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia),

Chief Researcher at the Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russia)

THE ECONOMIC FUNCTION OF STATE PATERNALISM: THE PREDUCTION OF PATRONIZED GOODS OR INVESTMENTS IN DEVELOPMENT?

The economic role of the state and the functions of state paternalism have long been a subject of controversy. Therefore, two main areas of research on this issue can be distinguished: the problem of state participation in the production and distribution of certain benefits, and the problem of state participation in the regulation of economic processes. In the theory of patronized goods, it is concluded that the state does not simply replace the market in the provision of certain goods, but represents certain public interests that are not reducible to individual ones, and serves precisely to ensure them. In that way, the state ensures the development of the economy and the achievement of social goals. The next step in the study of the functions of the paternalistic state is to find a common basis, both for the processes of providing patronized goods, and for the participation of the state in the regulation of the economy.

Based on the concept of the “developmental state”, we can conclude that such a common basis is the need for the participation of the state in providing the necessary conditions for the reproduction of the economy and society. Such a need arises due to the high level of socialization of production and the gradual disintegration of market relations, which, due to their automatic action, are no longer able to provide either the conditions for reproduction or even market equilibrium.

Keywords: paternalistic state, civil society, patronized goods, economic reproduction, public interest, individual preferences, development state.

DOI: 10.31857/S020736760021857-1